

УДК 630.187

А. А. КРЮДЕНЕР*

ЛЕСНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛЮДЕЙ ПРИРОДЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ)**

(к 140-летию со дня рождения А. А. Крюденера) (перевод М. С. Улановского)†*)

"Природа строгий, но справедливый Учитель, она наказывает часто не милосердно там, где ее законов не понимают, злоупотребляют ею или насилуют ее, но зато она вознаграждает тем щедрее, чем глубже мы познали ее законы и соблюдаем их"

Мотто

Охарактеризованы народные знания природы – климата, почв, растительности и особенно лесов разных типов северных районов России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : природа, почвы, растительность, типы леса, бор, суборь, рамень, груд.

Для лучшего понимания настоящей статьи я считаю необходимым дать краткую историю моего типологического становления. Еще будучи мальчиком в имении моего отца я познакомился с землей, я рос с лесом, что привело меня в земельный университет Дерпта, а затем к обучению в Санкт-Петербурге лесной науке и естествознанию. После этого я почти 10 лет как лесовод работал в лесах различных частей Российской империи. Эти леса были подведомственными Вунистерству Двора и царских Уделов. Первоначальные владения царской семьи многократно увеличивались путем постепенных приобретений. В 1797 году Петр образовал Министерство Двора и Уделов. Благодаря хорошему хозяйствованию создавался фонд для новых приобретений, так что к 1914 г. площадь этих лесов составляла более 7 млн. га, доходы от которых стали основными источниками царской казны.

В Петербурге я познакомился и подружился с проф. Морозовым, который был вдохновителем идеи о типах леса и является научным основателем типологии. Серебренников, Успенский, Биттрих на севере приступили к описанию выделенных народом типов леса и их народных названий. Рука об руку с ними работал и я. В 1904 году мне было поручено обследовать леса русской императорской казны с целью составления массовых и сортиментных таблиц. Это задание я использовал для связи с другим, а именно: для изучения климата, почв и растительного мира вообще. Под моим руководством было взято – срублено, изучено и проанализировано более ста тысяч стволов сосны, ели, пихты, лиственницы, ясеня, ольхи, клена, граба, описано более 6 тысяч почвенных ям, взяты сотни монолитов в больших ящиках со стеклянными крышками длиной 1 м, шириной 18 см и глубиной 10 см, а также гербарий лесных растений, много сотен фотоснимков, в том числе и цветных. Все они были выставлены в Музее леса. Массовые и сортиментные таблицы были отпечатаны и изданы серией книг. Затем я попытался издать книгу об основах классификации типов леса (том 1 – "Всеобщее", том 2 "Бедные типы – боры и субори"). Эти работы были прерваны политическими событиями, а музей был разграблен и сожжен.

Прежде чем я приступлю к теме этой статьи, я должен вернуться опять к прошлому, только тогда мы сможем понять ее возникновение, направление ее становления и ее значение.

Лес, как его создала природа, есть сложное понятие, которое априорно (если со стороны климата ему нет абсолютного запрета), является сложным растительным сообществом древесных растений, трав, злаков и осок (т.е. узколиственных трав), лишайников, растущих на архитектурном фундаменте почвы (почва – в широком смысле). В лесоводственном

* © А. А. Крюденер

***) Вводная часть статьи «О лесных типах вообще и в отношении к Германии в частности», опубликованной в немецком журнале "Лесоведение и охотоведение", 1926, 10 выпуск, октябрь.

† © М. С. Улановский (перевод), 2005

*) Последняя работа, выполненная М. С. Улановским

аспекте мы до сих пор имеем дело с одним или несколькими важными для нас представителями растительного мира и, смотря по росту главным образом данного древостоя, преобладающей древесной породы, говорим о производительной силе почвы, которую мы выражаем как 1, 2, 3 и т. д. бонитеты данной породы. На этом учении о бонитетах для данной породы строится лесоводственное учение о закладке и воспитании насаждений, на нем решаются вопросы лесоустройства. И невольно само собой это учение приводит к предпочтению лишь одной древесной породы для данного местопроизростания (для данной площади) и построению соответствующих принципов ведения хозяйства со сплошными рубками, как наиболее удобными, и наиболее дешевыми методами хозяйствования, с последующим созданием насаждений одной, соответствующей данному бонитету, древесной породы.

Однако в противоположность этому, в интересах непрерывности, при сохранении понятия бонитета для лесоустройства и хозяйства для всех лесотехнических и лесоматематических целей, учение о смешанном лесе, о методах "несплошных рубок" и естественном возобновлении, является более соответствующим природе леса.

Основатели идеи "Дауэрвальда" (непрерывного леса, т.е. постепенных и выборочных рубок) сделали шаг дальше. Они искали идеал – при исключении понятия оборота рубки – какой-то определенный "гармоничный образ леса" без конца и начала.

Во время моих поездок и пребывания в лесах прежней России на севере и на юге, востоке и западе, от Белого до Черного моря, на Каспии и на Кавказе, от Балтики и до Урала, благодаря разнообразию климата, геологических процессов, типов почв и растительного мира, постепенно я сделался восторженным учеником и читателем в читальных залах библиотеки матушки природы.

В этом моем становлении как натуралиста я особенно укрепился в великих лесах русского Севера во время моих исследовательских экспедиций 1904 – 1910 годов, тем более что я свой хлеб насущный ел вместе с исконными жителями этих мест, родившимися в этой природе, живущими в ней и борющимися в ней за этот хлеб.

Отношение человека природы к лесу, беря в целом, было интуитивным, основанным на ощущениях, формирующихся постепенно, эмпирически, через опыт. Он ничего не знал о чистом лесном доходе, о бонитетах и лесоводственной науке. Лес кормил его, как местообитание охотничьих зверей, а низменности с их водными потоками, как место, где он ловил рыбу. Но когда он начал использовать лес для строительства и иных целей, заниматься животноводством, то его интересы переключились на луга (пастбища), а когда он стал оседлым жителем, начал возделывать поля, должен был для этого раскорчевывать лес и пахать землю, то возросли задачи по ориентированию в природе, стало более обостренным его понимание всего лучшего, что можно было в ней увидеть, услышать и прочесть, при этом не только по "верхнему" надземному миру – по облакам, животным, деревьям и травянистым растениям, но и по "подземному" – в глубине почв.

Но как же ориентироваться в этом хаосе великих русских лесов, протянувшихся на многие сотни километров? Это первобытные девственные природные коренные леса, они никогда не были лесами культурными или искусственно созданными. Элементарные силы природы, бури и пожары через них проходили, грибные заболевания и энтомовредители повреждали их, они подвергались затоплению и заболачиванию, землетрясениям и заносу пойменным алювием, катастрофам и буреломам – все это они испытали. И как в американских первобытных лесах, так и здесь влияние человека проявляло свое воздействие то прямо топором, лопатой, сохой, косой, то косвенно, когда он разрушал сомкнутость лесного полога и вырубкой стен леса создавал точки для вторжения ветра, либо где-то далеко – вероятно за сотни километров, вдали изменял течение русел завалами плотин для ловли рыбы или пускал палы (огонь) в пралес, чтобы потом через много недель за мили вдали этот лес свалить, пережечь его на уголь и золу, прежде чем земля покроется зеленью и порослью.

Климат, почвы и растительный мир природный человек вынужден был наблюдать, чтобы выжить. Все его отношение к жизни, его хозяйствование в природе были тем самым определены. Выработался также его крайне богатый язык о природе, понятий и слов, которые ее отражали, для которых западноевропейец, с его богатой культурной речью не имеет соответствующих определений, да и само понятие природного явления, объекта природы, образа природы, лежащего в его основе, у европейца нет (европеец его не знает). Тот, кто живет в лесу с этими людьми, истинными, чистыми детьми природы, должен учиться их языку, их словам и выражениям, которые не передает ни один словарь. И эти слова – это обобщающие понятия, охватывающие целый ряд явлений, отражающих сущность леса: макро- и микро- климат, почву и мир растений, мхи, злаки, осоки и широколиственные травы, вплоть до подлеска и деревьев. Те, кто впервые слышат эти термины, вначале ничего не могут понять в них. Только когда новичок много недель проведет в лесу вместе с местными жителями, он начинает интуитивно понимать, что обозначают эти слова.

Однако словами дело не исчерпывается. Из их сущности, содержания следует их значение для познания леса, для тех путей, которыми и мы при его исследовании, сбережении, пользовании и дальнейшем ведении хозяйства должны руководствоваться. И тогда для лесоведа начинается обращение к сути дела, анализ, систематизация и практическое применение народных знаний для исследования леса, его выращивания, использования и длительного ведения хозяйства. Тогда начинается осмысление, анализ, систематизация и практическое применение этих знаний. Ошибаемся мы нередко, будучи оснащенными геологическими и прочими картами, старыми производственными планами, таксационными описаниями насаждений, а между тем, если мы по бонитету насаждения данной породы определяем плодородие почвы, как суммарный показатель производительной силы почвы для данных условий, то как же правильно оценивать ее в таких лесах, где еще нет никаких карт, никаких исследований, никаких таксационных описаний? И где мы ничего не знаем о прошлом этих насаждений.

Как поступает человек "дитя" природы? Он не знает (в смысле не изучал) ни климатологии, ни почвоведения, ни ботаники и зоологии в научном и образовательном смысле слова. И тем не менее он знает их на свой лад и имеет для всех их свои определения. Он имеет весьма точное представление об общем климате, он знает местный климат и умеет его точно оценивать, он принимает во внимание почвенный климат, микроклимат, он наблюдает солнце и луну, воздух и температуру, облачность, туманы, образование росы, потоки воздуха и воды.

Человек природы также почвовед – настолько, насколько это ему требуется: зрение (окраска), осязание (на ощупь), вкус (проба на язык) и опыт помогают ему в его анализе. Он удивительно хорошо разбирается в почвах, весьма точно различает органический и органоминеральный верхний слой, торф, грубый гумус (рогумус), муль и модер; переходной горизонт почвы, пепелистый песок – признак подзола, а под твердолиственными породами – деградированную землю, которую он называет "поддубица", ортштейн и творожистую железную руду, горные породы, различает известняк и гипс, граниты и конгломераты, петрографические группы, такие как пески, глины от более легких до глин тяжелых, и имеет для них свои названия. Он разбирается также в дренаже – воздушном и водном, проточной аэрированной (обогащенной воздухом), мягкой и жесткой воде, минеральных источниках и знает их лечебную силу.

Природный человек – хороший ботаник, он знает вкус, питательную ценность, возможности использования грибов и лишайников, так же как и мхов, трав узколистных и трав широколистных, кустарников и деревьев, их технические свойства, даже химические, причем не только их надземной части, но и их подземную часть – их корни. И все это во взаимосвязи с информацией о почвах. Все эти свойства для него – если климатические условия определенной среды позволяют – это альфа и омега, из которых он исходит.

Он не говорит "сосновый лес", "еловый лес", "березовый лес" или "смешанный лес из ценных пород – ясеня, дуба и других". Он говорит одно слово и им охватывает определенную группу почвенной формации. Мы говорим об амплитуде почвенной формации, а у него это указывает точно на место в этой амплитуде; это указывает, какие там мхи, травы, кустарники и древесные породы, древостой. Он не говорит однако о древесной породе как о древостое отдельно, так как она сама еще не дает полного представления о сущности леса, о типе леса как обобщающем понятии, включающем климат, почвы, растительность, а также животный мир. "Бор" для него – это обобщающий термин для песчаных почв, для верещатников (верещатниковых пустошей, верещатниковых боров). Их он изучил раньше всего, там он ставил свой дом, там у него была наиболее удачная охота. Там сосна и береза давали ему более прочную древесину для строительства, для лодок, на уголь и деготь.

Чем больше он познавал бор, тем точнее он различал его градации (подтипы) по степени увлажнения, свойствам и качествам песков и грунтовых вод, по мертвому и живому напочвенному покрову, по гумусу, его разновидностям; так возникали определения (термины, названия): белая или сухая вересковая пустошь, зеленая естественно обогащенная влажно-сырая и т.д., и только затем, в связи с древесной растительностью возникли названия – белая пустошь с сосной, зеленая пустошь с сосной, с елью, влажно-сырая пустошь с сосной, с березой (здесь "пустошь" равнозначна бору).

С первоначальным развитием охотоводства стало необходимым подробнее знакомиться и изучать затопляемые паводками поймы, луга, болота. И здесь возникли новые понятия, относившиеся прежде всего к дренажу, стоку и степени увлажнения, а затем к органическому верхнему слою почв и к грунту, наконец к растительности, травянистому покрову, кустарникам и древесным породам. Так выработалось некоторое количество названий, например "Согра" (заболоченный луг с серой и черной ольхой, елью и редкой сосной), "Пендус" (переходное болото с серой ольхой, березой и сосной), "Трясина" (топко-зыбкое болото с серой ольхой), "Омшара" (плоское застойное моховое болото с единичными соснами) и т. д. Далее это был низменный груд с "влажной садовой почвой" с ясенем, дубом и ольхой. Когда же стало развиваться земледелие, то стало необходимым более точно оценивать почву и некоторые лучшие прежние "боры" называть уже не борами, а выделить как суборь и внутри этого сборного названия для глинистых песков выделили различные градации, аналогично как и в настоящих борах.

Но субориями дело не кончалось. Приходилось искать еще лучшие почвы. Так, ель и пихта занимают главным образом суглинистые почвы, однако их водосодержащий горизонт, обводненная мощность легко подвергается подкислению и заболачиванию (оглеению), поэтому пришлось выбирать возвышенности с лучшими экспозициями, которые в то же время имеют хороший дренаж и по большей части также более легкие суглинистые почвы. Такие местообитания получили название "Рамень" (от старославянского слова рамена – плечи). Обычно на них росли еловые древостои и тогда их называли рамень еловая, или елорамень, реже березовая или осиновая рамени. Часто бывало, что на поверхности почвы лежал слой глинистого песка (более промытого суглинка), переходящего ниже в опещаненный суглинок. Тогда там росли сосна и ель – лучшие, наиболее высокие древостои, и они говорили, что это красная рамень (краснолесье – хвойный лес).

Однако таких местообитаний со свежими почвами было зачастую мало. Постепенно приходилось использовать также прочие суглинистые территории. Поэтому затем были подвергнуты дифференциации (выделению типов) влажные, влажно-сырые и сырые почвы, которые различались по степени дренажа. Несколько ниже расположенные свежие суглинистые почвы определялись как равнинные рамени, а далее сильно увлажненные, либо влажно-сырые – главным образом с господством ели – как согра-рамень. Если почва родила хорошо, росту деревьев способствовал мягкий гумус и хороший дренаж, вследствие чего образовывались заросли широколиственных трав, многовидовой кустарниковый подлесок и древостой из ценных пород, то тогда такие местообитания называли "наземистая рамень",

удобренная рамень или "груд" (вероятно от слова грудь), так же как и выше расположенные территории с хорошим стоком и проточной влагой. Если же они были несколько влажнее, но при этом хорошо дренированы, то определялись как "черная рамень".

Если в лесу был пожар, и еловый древостой был уничтожен, то породой-пионером на гари обычно была береза, и создавалась рамень с березой – береза-рамень, которую из-за ее светящихся стволов называли "Бель". Когда лесной житель говорил о бели, то уже было понятно, что это за лес, о котором идет речь.

Во всех этих лесных единствах, формациях леса мы говорим о типах леса (из которых я упомянул лишь некоторые), если они еще не были пройдены прочистками (изреживаниями) – человек природы превосходно разбирался. Он точно знал, где растут самые лучшие сосны для той или иной цели; какие сосны дают больше живицы для терпентина, лучший уголь, лучшую способность колотья для изготовления кровельной щепы (омшара); он умел определять признаки равномерности роста еловой древесины (бор с елью); лучшую резонансную древесину (красная рамень), он знал, в каких местообитаниях растет береза, пригодная для заготовки лучшей древесины для производства ружейных прикладов (пушистая береза в заиленной рамени), в каких она дает отборную кору (бересту) для выгонки березового дегтя (береза-суборь) и т. д.

Когда постепенно увеличивалось пахотное земледелие, а также лесопользование (вырубка леса), то на севере начались своего рода выборочные рубки – для того чтобы находить лучшие размеры сортиментов, знать количество стволов на единицу площади, их объемы и запасы древесины. Но и их качество должно было быть установленным, а для этого необходимо было оценивать опять-таки не только формации почв, но также и внешние признаки грибных инфекций и связанных с ними поверхностных или внутренних поражений древесины и давать им оценку. Было просто удивительно, как уверенно лесоруб в этих типах леса определял по местообитанию количество деревьев, которые могли дать соответствующие размеры экспортных сортиментов, как он определял только по типу леса запас подлежащей вырубке древесины, оценивал коэффициент формы деревьев.

Я не могу дальше подробно останавливаться на ботанических знаниях населения. Я хочу лишь сказать, что мхи находят применение в строительстве в качестве прокладки (или подстилки), многие травы играют роль в народной медицине и как красители, грибы, как важнейший пищевой продукт во время постов имеют большое значение. Эти грибы в больших количествах солят, а потом отправляют в дальний путь в города на продажу. Не удивительно поэтому, когда разновидности гумуса, флоры также относят здесь к составным образователям всей картины леса. Лесной русский человек вообще, а северный лесной человек в особенности, стоит ко всей жизни и структуре природы и леса намного-много ближе, чем это ощущаем мы.

Дальше в статье раскрываются перспективы внедрения народной типологии в научное лесоводство и в практику лесного хозяйства и лесоустройства.

Krudener A. A.

FOREST TYPOLOGY OF PEOPLE OF NATURE AND ITS MEANING (TO THE 140-TH ANNIVERSARY OF A. A. KRUDENER) (TRANSLATION OF M. S. ULANOVSKY)

People's knowledge of nature, particularly climate, soil, vegetation and especially forests of different types in the northern regions of Russia are characterized.

К е у w o r d s : nature, soil, vegetation, forest types, bor, subor, ramen, grud.

Крюденер А. А.

ЛІСОВА ТИПОЛОГІЯ ЛЮДЕЙ ПРИРОДИ ТА ЇЇ ЗНАЧЕННЯ (ДО 140-РІЧЧЯ ВІД ДНЯ НАРОДЖЕННЯ А. А. КРЮДЕНЕРА) (переклад М. С. Улановського)

Охарактеризовані народні знання природи – клімату, ґрунтів, рослинності й особливо лісів різних типів північних районів Росії.

К л ю ч о в і с л о в а : природа, ґрунти, рослинність, типи лісу, бір, суббір, рамень, груд.

Одержано редколегією 7.10.2008 р.